

Диакон Павел Гаврилюк: "В духовных вопросах пастырь должен проявлять необыкновенную чуткость"

[Дудченко Андрей, свящ.](#)

Диакон Павел Гаврилюк – клирик Православной Церкви в Америке, доктор философии, патролог, профессор университета Святого Фомы в городе Сент-Пол, штат Миннесота. Будучи родом из Киева, отец диакон периодически приезжает на родину, чтобы прочитать курс лекций в колледже святого Фомы – богословском учебном заведении для мирян Римо-Католической Церкви. На русском языке издана монография отца Павла об истории катехизации в древней Церкви. В один из своих недавних приездов отец Павел посетил редакцию "Православия в Украине".

Подготовка ко Крещению в древности и сегодня

– Отец Павел, наши читатели могут знать вас как автора прекрасного исследования об истории катехизации в древней Церкви, которое было издано несколько лет назад Свято-Филаретовским институтом в Москве. Катехизация – область вашего не только научного, но и практического интереса. Как бы вы оценили современное положение с катехизацией в Церкви?

– Поскольку я последние 14 лет прожил в Соединенных Штатах, мне на сегодняшний день более ясна обстановка, которая сложилась в области православных миссий в Америке. Конечно, там Церковь небольшая и поэтому любой вклад в историю миссии оказывается значимым. Зачем сегодня нам задумываться о том, как катехизацией занимались в эпоху святых отцов? В первую очередь, я думаю, что для каждого сегодняшнего миссионера и всякого современного православного педагога является большим вдохновением и подспорьем возможность приобщиться к опыту святых отцов, узнать о том, что они были не только блестящими богословами и церковными пастырями, но также приоритетным для них был и вопрос катехизации. Так, например, очень важно, что такие известные святители древней Церкви как епископы Кирилл Иерусалимский, Амвросий Медиоланский, блаженный Августин Гиппонский и отцы-каппадокийцы так или иначе занимались огласительной деятельностью. И одновременно, конечно, ею занимались и священники, и диаконы, и даже миряне. Сегодня приобщение к этому богатому опыту поможет создавать в современных новых условиях новые формы оглашения. Для меня всегда обращение к этому опыту было большим подспорьем в моей собственной пастырской деятельности. Что касается того, как катехизация проходит на западе, учитывая то обстоятельство, что количество православных в одном отдельно взятом городе в Америке не так велико, то очень часто разные Церкви сотрудничают друг с другом в этом вопросе. Я имею в виду, что, например, прихожане приходов Антиохийской, Греческой Церквей и Американской Православной Церкви, в частности

в Миннеаполисе, штат Миннесота, то есть оглашаемые, проходящие катехизацию, съезжаются из разных приходов в один храм. Таким образом, на литургию каждый ходит в свой храм, но на огласительные занятия они собираются вместе в одной церкви. Обычно это небольшое количество людей – человек 20-30. Очень часто люди едут за десятки километров, бывают случаи, что проезжают сотни километров, а то и больше. Съезжаются они для того, чтобы раз в неделю послушать огласительную лекцию. И, конечно, помимо лекции также активно участвуют в жизни церкви. Эти лекции длятся обычно четыре или пять месяцев, и построены они чаще всего как толкование на Символ веры, то есть в такой форме преподаются основы веры. Я вижу катехизацию взрослых как нечто, что может существовать в Церкви помимо воскресной школы. Хотя я не думаю, что этот опыт как-то прямо применим в реалиях украинской Церкви или русской Церкви, где количество православных верующих гораздо больше.

– Если обратиться к древним практикам катехизации и оглашения, то что, на ваш взгляд, в древности было существенного, полезного и, возможно, стало бы какой-то хорошей находкой, которую мы сейчас должны открыть заново?

– Самое главное, что крещение не было изолированным обрядом, оно не было просто одним каким-то событием в жизни человека, после которого человек о церковной жизни забывал. То есть к крещению человека вел определенный путь. Это не означает, что не надо крестить детей, их, конечно, крестили, нам об этом известно. В Новом Завете есть отголоски о крещении детей. Но что касается крещения взрослых, а, ориентировочно, до начала V века все-таки в основном речь шла о крещении взрослых, важно то, что люди жили церковной жизнью, и богословие не было отделено от пастырской практики, а пастырская практика не была отделена от жизни человека в церкви и от таинства крещения. То есть богословие крещения и богословие в широком смысле слова было единым. Конечно, сам процесс катехизации условно делился на такие части: сначала люди изучали Священное Писание, затем более глубоко изучали основы веры, а после крещения следовала часть мистагогическая, где человеку более детально рассказывалось о собственно таинствах, о смысле обряда. Отмечу то обстоятельство, что по определенным причинам смысл всех деталей крещения или Евхаристии полностью перед таинством не разъяснялся человеку, по крайней мере, согласно практике IV века. К этому относятся по-разному. И все же, почему человеку не сообщали о содержании таинства и не объясняли смысл подробностей до его совершения? Вполне возможно, что хотели, чтобы человек сначала опытно пережил это, и только впоследствии давали ему символический язык, с помощью которого этот опыт можно было бы описывать, чтобы теория не контролировала, не ограничивала то, что получается опытным путем. Я сейчас совсем не проповедую представление о том, что таинство означает нечто секретное, чего человек совсем не должен понимать. Конечно, человеку преподавалось то, что крещение является очень значительным шагом к Церкви, что оно одновременно и очистительное, и что в нем подается Святой Дух, что мы в нем сораспинаемся и совоскресаем со Христом. Но, тем не менее, подробности таинства Церковь разъясняла человеку впоследствии. Когда я говорю "впоследствии", я имею в виду, что чаще всего это делалось на Светлой седмице, в дни Пасхи. И чаще всего это делалось в ближайшее время после совершения таинства.

Речь не идет о том, что человек ходил в церковь годы, не понимая того, что происходит на богослужении. Поэтому катехизация сегодня означает, что люди сознательно участвуют в том, что происходит на богослужении, и более активно участвуют вообще в христианской жизни Церкви в целом. То есть не только как пассивные зрители того, что происходит на богослужении, но и как люди, которые соработают Богу как на литургии – воскресной службе, так и живя литургической жизнью за пределами самой службы.

– Вам приходится самому заниматься подготовкой ко Крещению в вашей церковной общине?

– В моей церковной общине, которая находится в Миннеаполисе, я этим не занимаюсь просто потому, что нахожусь постоянно в разъездах. За последний год я жил в Миннеаполисе 2 или 3 месяца. Весну 2007 года я провел в Гарварде. Я не смог бы понести такую ответственность. Но я считаю свою преподавательскую деятельность в университете катехизацией. Так как я преподаю курсы для очень широкой публики в университете Святого Фомы в Сент-Поле, штат Миннесота, – а это студенты, которые не станут в будущем богословами, – то я воспринимаю свои вводные курсы по основам христианского вероучения и жизни и основам христианской истории как катехизаторские.

Пастырская практика при крещении детей

– Вы упомянули, что в Новом Завете можно найти отголоски практики крещения детей. Если говорить об этом предметно, то как вы обычно отвечаете на аргументы протестантов, которые говорят, что крещение должно приниматься только сознательно, и что в Новом Завете мы не встречаем явного указания на то, что апостолы допускали крещение младенцев?

– Я думаю, что даже многие пастыри, занимающиеся катехизацией непосредственно и постоянно, задумываются над этим вопросом и над тем, что для человека, наверное, важно пережить момент крещения сознательно. Я думаю, что через этот этап прошло немало пастырей даже в Православной Церкви. Если бы православное богословие целиком было согласно с представлением блаженного Августина о первородном грехе как о первородной вине, то тогда была бы прямейшая необходимость крестить детей как можно раньше. С точки зрения Августина, всегда был риск, что с ребенком что-то произойдет такое, что привело бы к непоправимым последствиям. В этом смысле нужна определенная пастырская гибкость. И, мне кажется, более важно то, что, ребенок, крещенный в младенчестве, будет возвращен в христианской семье. То есть должно существовать и то обстоятельство, что он крестится в младенчестве, и то, что он растет в христианской семье. Если ответить на вопрос прямо, то, когда я упомянул, что есть отголоски этого обстоятельства, я имел в виду те факты, которые мы находим в Священном Писании. Речь идет о тех случаях, когда говорится, что "крестился весь дом", то есть крестился один человек одновременно со всем своим домом. А этот дом вмещал в себя, надо полагать, целое семейство, целую клиентеллу, состоящую из старших детей – сыновей, затем жены, дочерей, слуг, рабов и рабов рабов, и также, возможно, людей, для которых этот человек являлся патроном. Но важно в этом случае то, что ситуация "кре-

стился вместе со всем своим домом" предполагает, что, скорее всего, крестились и дети. Более определенное упоминание о крещении детей мы находим в источниках конца II века. То же самое касается детских надгробий, которые, судя по сохранившимся на них надписям, можно также считать христианскими. Но, к сожалению, у нас очень мало археологических данных в целом о христианстве до конца II века. Поэтому если протестанты выдвигают какой-либо такой аргумент, то это аргумент от молчания. Но подчеркну, что не во всех протестантских церквях придерживаются подобного рода позиции. Более того, как известно, это было разногласием между анабаптистами и Лютером. Анабаптисты утверждали, что следует креститься в сознательном состоянии. Лютер же признавал, безусловно, крещение детей в младенчестве. Поэтому люди, которые однозначно утверждают этот тезис, оказываются в меньшинстве.

- У нас сегодня среди верующих воцерковленных семей существует тенденция крестить ребенка как можно раньше. Однако же святитель Григорий Богослов советовал, если позволяют обстоятельства, отложить крещение младенца до того времени, когда он уже может сам хотя бы что-то понимать, то есть приблизительно до 3-летнего возраста. При этом риск детской смертности в те времена был несравнимо выше, чем сегодня. Как вы думаете, с чем был связан такой подход святого Григория Богослова?

– Мне кажется, в этом вопросе нужно проявить духовную мудрость. Церковь должна задуматься о том, что значит этот шаг для родителей, которые собираются крестить ребенка в младенческом возрасте. Если это первый шаг в Церковь, то прекрасно. А если это просто обряд, о котором потом все забудут, и человек не будет жить церковной жизнью, то это совершенно другая ситуация. Почему так писал святой Григорий, да и не только он? Надо сказать, что все отцы-каппадокийцы крестились в двадцатилетнем возрасте, а блаженный Августин крестился, когда ему было 33 или 34 года.

И как раз он впоследствии говорил, что лучше бы ему было поддаться на уговоры матери и креститься раньше, возможно тогда Господь укрепил бы его Своей благодатью, и он не совершил всех тех поступков, в которых он впоследствии каялся в своей "Исповеди". Если же вернуться к Григорию Богослову, надо сказать следующее. Грехи, совершенные после крещения, претерпевали качественные изменения. Когда я говорю "грех", я имею в виду три наиболее значимых, к которым Церковь относилась особенно серьезно – идолопоклонство или уход от христианства в язычество, убийство и все, что связано с сексуальными отклонениями от брачной жизни. Именно эти грехи, совершенные после крещения, несли за собой гораздо более значимые последствия для будущей церковной жизни человека и для его спасения. Поэтому святые отцы подчеркивали, что за шагом крещения должно следовать изменение жизни. А в младенческом возрасте это гораздо сложнее. С другой стороны, в IV веке были люди, которые откладывали крещение на длительное время.

Торопиться или откладывать?

– Вы как раз пишете в своей книге, что люди в течение многих лет могли находиться в разряде катехуменов и так и не принимать крещения ввиду того, что, наверное, не хоте-

ли так резко менять свою жизнь. Пример блаженного Августина как раз является тому хорошей иллюстрацией.

– Совершенно верно. И очень хорошо, что блаженный Августин испытал это на собственном опыте, потому что тогда он мог гораздо лучше помочь тем людям, у которых был аналогичный опыт. Однако был и противоположный феномен. Как вы правильно отметили, очень многие люди, в особенности государственные чиновники, политики и люди, связанные каким-то образом с ведением войны, откладывали крещение на очень длительное время. Так, император Константин крестился за несколько недель до смерти, когда точно – мы не знаем. И, скорее всего, был крещен епископом-полуарианином Евсевием.

– Что не помешало ему войти в историю Церкви "равноапостольным".

– Да, и удивительно то, что и православная, и католическая история помнят Константина совершенно другим. И именно образ идеального императора, созданный историком церкви Евсевием, оказал гораздо больше влияния на ход событий, чем реальный, настоящий Константин. Евсевий сам называет Константина "епископом для тех, кто находится вне Церкви", он ему дал такой статус. Понятие само по себе в высшей степени двусмысленное. Потому что, с одной стороны, никаких епископов для язычников нет, а с другой стороны, этим он устанавливал некое равенство между человеком, который, с политической точки зрения, был первым в империи, а с религиозной – христианским епископом. И в то время он действительно приблизил к себе немало епископов, и сам этот факт с исторической точки зрения является противоречивым. Возвращаясь к вопросу о причинах, по которым Константин откладывал крещение, надо сказать, что он знал, что всякое отдание, например, смертного приговора, или всякое, с моральной точки зрения, сомнительное действие повлечет за собой церковное прещение. А это означало бы для него, что он должен был пробыть длительное время, по крайней мере, теоретически, среди "кающихся". То есть он не мог бы причащаться, находился бы за пределами евхаристического общения. Поэтому откладывание императором крещения во многом связано с этим обстоятельством. А также, конечно, с удобством того, что перед тем, как предстать перед Богом, человеку в момент крещения отпускаются все грехи. Это обстоятельство было также привлекательно для немалого количества людей. Но святые отцы утверждали, что таким образом нельзя поступать – играть вопросом собственного спасения. Поэтому в проповедях и святителя Иоанна Златоуста, и отцов-каппадокийцев, например, Григория Нисского, есть немало призывов к тому, чтобы люди сделали сознательный выбор и крестились. Можно сказать так: те, кого мы сегодня называем прихожанами, ведущими номинально христианскую жизнь, в прошлом были эквивалентны таким "вечным" катехуменам – людям, которые приняли обряд посвящения в оглашенные, но не крестились.

– В таком случае, как вы думаете, что лучше: быть таким "вечным" катехуменом или прихожанином?

– И то и другое плохо. Но в каком-то смысле логически больше аргументов в пользу того,

чтобы быть "вечным" катехуменом. Тогда, по крайней мере, ни крещение, ни Евхаристия не являются для человека номинальными.

– Отец Павел, давайте посмотрим на следующую ситуацию. После того, как Церковь в Советском Союзе получила свободу – после празднования 1000-летия Крещения Руси – в нее хлынул поток людей, и в 90-х годах началась эпоха массовых крещений и венчаний. И сейчас у нас в Украине, да и, наверное, на всем постсоветском пространстве, где господствует Православная Церковь, сложилась ситуация, что большинство населения является крещеным. Однако же реально участвуют в жизни Церкви и ее таинствах примерно 3-5% населения. Таким образом, у нас масса номинально крещеных людей, которые почти никогда не переступают порог храма. Приходят или же обвенчаться, или отслужить заупокойную службу, или, гонимые трудными жизненными обстоятельствами, заходят поставить свечку. И вот такие люди крестят детей. Сами, пребывая в Церкви лишь номинально, они руководствуются мотивами: чтобы ребенок не болел, чтобы он был под защитой, чтобы соблюсти какую-то традицию. Иная ситуация среди верующих. Мы опасаемся оставить ребенка некрещеным из тех соображений, что, не дай Бог, Господь заберет его душу к Себе, он умрет, и что тогда с ним будет? То есть для того, чтобы ребенок спасся, был в раю, его крестят. Но если такой ребенок умирает некрещеным, можем ли мы говорить о том, что его душа никаким образом не окажется в раю?

– Православие обстоятельства подобного рода отдает воле Провидения. И мы никогда не расписываемся за Бога о судьбе бессмертной души человека. Это же касается, например, и полинезийских аборигенов, которые никогда не слышали о Христе. Что же делать в том случае, когда родители слышали о Христе, но не ведут соответствующего христианину образа жизни? Здесь надо действовать очень избирательно. И для меня в таких ситуациях очень важен совет Феодора Мопсуестийского. Интересные вещи на этот счет можно найти и у псевдо-Дионисия Ареопагита. Феодор Мопсуестийский говорит очень прямо: "Виноват в том, что не крестился, не ребенок, а родители". Как можно ребенка обвинять в том, что он не крестился? И так как виноват не ребенок, а родители, то в этом случае говорить вместе с блаженным Августином о том, что гореть ему в аду, совершенно невозможно. Подчеркну то обстоятельство, что даже средневековая Католическая Церковь не смотрела на этот вопрос так, как смотрел блаженный Августин. Мы обычно ассоциируем мнение о том, что некрещеным детям гореть в аду, с Католической Церковью. Это не совсем правильно. Действительно, блаженный Августин так учил. У него есть очень проникновенные проповеди о том, что человек предстал перед престолом Божьим, и там ему было указано, что он не крестился, и он должен был вернуться в эту жизнь, креститься и потом умирал, и отошел к Богу спасенным. Возвращаясь к полемике с протестантами, мы говорили о том, можно ли цитировать Священное Писание и утверждать, что детей крестить не нужно, потому что мы не находим прямых свидетельств о крещении детей в Новом Завете. Косвенные есть, а прямых нет. Но на это можно сказать, что мы находим в третьей главе Евангелия от Иоанна слова о том, что "кто не родится от воды и Духа, не войдет в Царствие Небесное". И тут всем понятно, что речь идет о крещении. Следовательно, креститься нужно всем.

– Но Господь также говорит о детях, что "таковых есть Царствие Небесное". Он говорит не о крещеных, а о детях вообще.

– Да, действительно, всегда можно найти контраргумент. Но стоит обратиться к истории, и здесь можно найти ответы на интересующие нас вопросы. Ведь в действительности очень интересно, что в той же примерно географической местности Тертуллиан (который за два века до Августина пишет в Карфагене, а Августин пишет об этих же вещах в Гиппоне, но они принадлежат к одному и тому же культурному слою) утверждает, что крестить маленьких детей не нужно, потому что они невинны. А Августин, на основании того, что экзорцизмы (обряд изгнания злых духов над готовящимися к принятию крещения. – *Ред.*) проводятся также и над маленькими детьми, а не только над взрослыми, свидетельствует, что на них лежит вина первородного греха. И эта вина должна быть смыта. Но в православии подчеркивается не столь элемент вины, сколь элемент тленности и то обстоятельство, что все мы в большей степени подвержены первородному греху как некой болезни, нежели юридически в нем повинны. И в этой связи, я подчеркиваю, важна пастырская чуткость. Мне кажется, что в том случае, когда к священнику приходят люди и говорят: "Покрестите ребеночка", это время нужно использовать для того, чтобы попытаться хотя бы донести до родителей, чем является крещение и что это означает для них. Когда я изучал ситуацию с крещением младенцев, в частности, в период Реформации, мне попала информация о том, что во многих кальвинистских семьях священник не крестил ребенка, если знал, что в этой деревне эти родители не живут христианской жизнью. Под этим подразумевалось, как минимум, хождение в церковь раз в неделю. Пастырь просто отказывался крестить ребенка именно поэтому. Вообще крещение детей было делом обычным, но в этом случае обряд не совершался. Поэтому, мне кажется, это возможность сегодня для священника поговорить с родителями, потому что в этот день они, по крайней мере, в церкви. И этот день это для них важен. Безусловно, эта проблема существует. И я подчеркну то обстоятельство, что очень много номинальных христиан есть и на Западе, и в самых разных частях мира. Во Франции есть такое выражение: "Я верующий, но не практикующий". Подразумевается, что человек не атеист, но и не активный участник церковно-приходской жизни. Это явление частое и за границей. Хотя, можно сказать, что православным в Америке помогает определенная дисциплина литургической жизни, которая присутствует и у католиков, и у протестантов. То есть процент людей, верующих моего прихода, которые регулярно ходят в церковь, достаточно высок. Это около 40% моей общины. Это те люди, которых я вижу раз в неделю. И я не думаю, что это заслуга Православной Церкви. Я считаю, что это заслуга вообще в целом общехристианского пространства в Америке.

Если уже слишком поздно...

– Когда мы говорим о крещении ребенка, нельзя избежать чисто прикладных вопросов, которые интересуют каждого священника, который в своей практике сталкивается с церковными таинствами. Часто бывает такая ситуация, особенно у пастырей, служащих при больницах, роддомах, что ребенок родился, два часа пожил и ушел из жизни. И его просто не успевали крестить. То есть, когда приходит священник, то уже поздно. Потому что настолько оперативно церковь и священник не может среагировать. А родители – люди верующие. И это упущение происходит не по их вине. Как быть в такой ситуации, в частности с отпеванием и другими ритуальными действиями, которые очень нужны уже больше родителям. Они хотят этого, молятся и просят. Что здесь делать, как по-

поступить священнику?

– Это очень серьезный вопрос. Когда случается такая трагедия, одна из больших пастырских ошибок, которая, как я знаю, совершается верующими баптистами, это жесткая реакция. Они говорят: "Вы знаете, наверное, у вас в семье у кого-то слабая вера", или же еще говорят: "Это за ваши грехи". И когда в эту трагическую минуту начинают винить кого-то из родственников, это ужасно. Мы как пастыри совершаем нечто очень страшное. Потому что, по моему мнению, священники в этом духовном вопросе должны проявлять необыкновенную чуткость. Что же касается родителей, мне кажется, им надо подать утешение и сказать, что Господь восстановит всех нас в нетленном теле, и все те несчастные обстоятельства, при которых родился этот ребенок, будут ничтожно малы по сравнению с жизнью вечной. Кроме того, существует понятие крещения намерением. Мы знаем крещение кровью, а у Григория Двоеслова встречается понимание покаяния как крещения слезами. Но это же применимо к различным ситуациям, а не только к покаянию. Поэтому, в первую очередь, не нам судить, как Господь поступит с этим ребеночком. Но представить себе, что Всеблагий Создатель обошелся бы с ним как-то иначе, кроме как милостиво, просто невозможно. И я подчеркиваю, еще очень важно, как вести себя с живыми. Потому что люди в Америке в некоторых случаях просто сходят с ума. Когда человеку говорят: "Ваша жена погибла в автомобильной катастрофе, потому что у вас была слабая вера", то что человек думает в этот момент?

– В подобных ситуациях, люди приходят в церковь и говорят: "Мы хотим, чтобы этого ребенка поминали. Можно ли заказать сорокоуст, помянуть на службах, можно ли в годовщину приходить и служить панихиду?" Ведь есть момент обряда, а есть таинство. Хотя по современным богословским понятиям уже нанесенное крестное знамение – это таинство. Как же быть в данном случае? Возможно ли отпевание и каковы рамки его совершения?

– Это очень сложные вопросы, которые требуют глубокой богословской оценки. Может быть, правильно, что у нас в Православной Церкви нет никаких канонических ограничений. Я бы сказал, что я категорически против всяких записок типа "Самоубийц не отпеваем" или "Не молимся о такой-то категории людей". Потому что молиться мы должны обо всех. Если бы мы считали, что наша молитва – это какая-то магия, исполняет в точности все, что мы потребуем, тогда, вероятно, в этом был бы какой-то смысл. Хотя и в этом случае – нет. Поставлю в пример архиепископа Далласского Димитрия. Он никогда, если дело касалось поминальных записок и подобных вещей, даже если у него были какие-то сомнения, вопросов не задавал. За православного или за неправославного, за крещеного или некрещеного человека подана записка. Если человек подал это прошение, то мы эти имена произносим. И Господу судить, как поступить, Он, так или иначе, рассудит. Мне кажется, что очень многие подобные вещи решаются христианским образованием. Часто мы говорим, что время упущено для этого человека. Почему? Потому что родственники не были воцерковлены, и для него вера не стала значительной частью его жизни. Дионисий Ареопагит совершенно определенно говорит, что "над нами интеллигенты-неоплатоники смеются и говорят, что мы обо всем с нашим Богом можем договориться. И какой бы человек ни был плохой в его жизни, мы все равно вину этого человека можем вымолить". И Дионисий Ареопагит возвра-

щается к важности личной ответственности каждого человека перед Богом. Здесь, как и в Священном Писании, существует некий баланс. С одной стороны, Христос умирает за грехи всех людей, а с другой стороны, мы признаем важность личной ответственности. Это в чем-то парадоксальное утверждение, но в жизни так много парадоксов! Она во многом состоит из парадоксов. И, мне кажется, можно удержать и тот, и другой полюс – и полюс личной ответственности, и полюс молитвенного предстояния Церкви за всех.

– **Позволю себе ремарку. Если мы говорим о поминовении на Евхаристии, на проскомидии, например, то здесь ведь ситуация несколько иного рода, по-моему, потому что Евхаристия – это по своей природе закрытое собрание. На Евхаристию допускаются не все, а только верные и только те, кто может участвовать в таинстве. То есть те, кто может сам стать Телом Христовым. Поэтому интересна даже история возникновения поминовения на проскомидии. И современная, да и не только, традиция, например, Греческой Церкви такова, что там не только агнец, который лежит на дискосе, а все частицы претворяются в Тело Христово. Поэтому эти частички, которые вынуты за людей, за тех или иных святых, начиная с Божией Матери и заканчивая прихожанами, которые тоже называются святыми в наших молитвах, по сути, – образ всей Церкви, которая на литургии собирается и становится Телом Христовым.**

– Да, мы все же говорим о некоторых исключениях. В этом смысле нашими благими намерениями, в частности человеческим состраданием, может быть действительно устлана дорога в преисподнюю. Я хочу сказать, что литургический хаос можно внести, задекларировав какие-то нехарактерные нововведения. Так, в некоторых протестантских церквях на Западе практикуется вообще открытая Евхаристия. Что я имею в виду? Крещеный, некрещеный, какого угодно исповедания человек допускается к таинству. И в этом случае мысль такова: как Христос всех зовет на трапезу, так и мы должны всех звать на трапезу. Этим очень многое теряется.

– **Действительно, поминать на проскомидии некрещеных людей совершенно не обязательно, потому что получается, что мы магически относимся к проскомидии. Если человек не стал членом Церкви по какой-то причине, то это объективный факт. Но это совершенно не означает, что мы не можем молиться в другой форме – на панихиде, например, или же за живого на молебне, или на литургии. На литургии Слова, в первой части, после Евангелия мы молимся не только о тех, кто крещен, но и о властях, о воинстве, о каких-то гражданских институциях. Но поименно приносим молитву о тех, кто является членом Церкви.**

– А ведь это на самом деле очень интересно! Даже во времена, когда император был язычником, Ориген, например, и другие мыслители говорили: "Воевать за императора-язычника мы не будем. Но молитвой поможем". Поэтому очевидно, что некое поминовение властей на литургии – это не только нововведение постконстантиновской эпохи IV века и позднее, но и нечто более раннее. Определенно можно сказать, что в случае императора, а здесь, очевидно, речь идет о поминовении язычника, на литургии катехуменов, или на литургии Слова, вполне возможен такой опыт. В качестве экспериментального хода можно предложить для введения в богослужебную практику молитвы за умерших некрещеных. Это, мне кажется, было бы чем-то очень значимым для верующих. Мы не знаем, что это означает для веч-

ной судьбы человека. И большинство святых отцов в таком случае подчеркивают в гораздо большей степени личную ответственность и в меньшей – мысль о молитвенном предстоянии Церкви. Но, тем не менее, эта молитва в таком контексте была бы очень значима для большого количества верующих. Потому что в этот момент человек ощущал бы некое свое молитвенное единство с остальными верующими.

– И поддержку Церкви. Потому что в такую тяжелую минуту человеку хочется, ему просто необходимо, чтобы Церковь была с ним, а не отстранялась.

– Могу сказать, что покойный отец Георгий Чистяков, мой учитель, отпевал и жертв СПИДа, и самоубийц, и всех тех, о которых были великие прещения по части неотпевания. Просто потому, что больные нуждаются во врачах гораздо больше, нежели здоровые.

"Церковные" и "мирские" имена

– Да, такое возможно. Но для этого нужен, наверное, специальный чин. Давайте перейдем к следующему вопросу. Отец Павел, существует понятие о так называемых православных и неправославных именах. На Руси есть традиция крестить именами святых. В то время как в Греческой Церкви, Сербской, Болгарской по традиции крестят любимыми именами. Не обязательно именем, которое носил какой-либо из святых. Однако же и в древней Церкви встречается рекомендация святых отцов, чтобы называть ребенка не как угодно, а именем одного из апостолов или пророков и так далее. Какое положение с этим в Америке? Что бы вы посоветовали родителям, которые хотят назвать ребенка, например, именем Диана, или Алина, которого нет в святцах?

– Конечно, наши имена не связаны магически с нашей судьбой. Но, с другой стороны, в еврейской истории была практика теофорных имен, которые как-то связаны с деяниями Божьими в истории. Например, имя Феофил означает "боголюбивый человек", или Деограций – "Божья благодать". У блаженного Августина был сын Адеодат, то есть "данный Богом", имя Иисус означает "Ягве спасает". И эта практика имен, которые как-то связаны с Богом и божественными проявлениями, еврейская, в первую очередь. Поэтому, если люди называют ребенка Дианой, то нужно объяснить им, что имя Диана связано с богиней охоты, девственности, семейного очага и массой других вещей, но, прежде всего, с языческим фольклором. Если родители действительно принимают сознательное решение это имя освятить и воцерковить, то это одно. Если же оно им просто нравится по какой-то секулярной причине, то я не считаю, что это должно быть именем, которое человек принимает в крещении. Дело в том, что в Православной Церкви в Америке как раз есть определенный крен четко следовать церковным установлениям, которые приняты в Церкви Московского Патриархата. Более того, люди следуют этому, может быть, даже более строго, нежели в России или Украине. Поэтому очень часто верующий, переходящий из протестантизма, или же невоцерковленный и некрещеный в прошлом человек старается принять имя либо греческого, либо русского святого. И это очень важно для него, потому что это определенный этап. Ведь в Америке это означает во многом разрыв определенных социальных связей. Человек, становясь православным, нередко расстается с привычным кругом знакомых и родственников, если в семье несколько поколений были, например, кальвинистами или католиками, и теперь

они не понимают значительности этого перехода для человека. И для того, чтобы эту связь как-то подчеркнуть, человек нередко берет второе или третье имя. Мы, естественно, не перекрещиваем католиков, но новое имя берется для того, чтобы как-то подчеркнуть свой переход в православие.

– А что вы скажете о такой тенденции, как иметь второе имя для крещения? Даже в том случае, если первое имя у младенца годится для того, чтобы крестить с ним ребенка? Но люди хотят иметь второе имя для того, чтобы это было имя церковное, которое в миру никто не знает.

– Мне кажется это, с одной стороны, чем-то безобидным. А, с другой стороны, если человек хочет дифференцировать свою мирскую сторону жизни и церковную, то получается некая бифуркация: в Церкви он человек церковный, в миру он мирской...

– Не проявляется ли в этом магическое представление о том, что знающий имя имеет власть над этим человеком, как верили язычники?

– Давайте обратимся к Библии. Например, когда Бог меняет имя Аврам на Авраам. Речь идет о том, что человек оказывается наделен какой-то новой миссией. Это дается Богом для того, чтобы впоследствии заключить завет с Авраамом, чтобы затем от него произошел Богом избранный народ. Это связано, с моей точки зрения, достаточно прямо с идеей Божьего избрания. То же самое касается крещения. Христианство предлагает Божье избрание всем. Следовательно, приобретая в крещении новое имя, человек избирается Богом для определенного рода миссии, а именно – служить Богу как христианин. Я это вижу как что-то невинное. Может быть, я очень наивно рассуждаю об этом. И могу сказать, что это распространенная ситуация, когда у человека есть легальное имя, которое функционирует во всех документах, выданных человеку властями, и есть имя, которым он пользуется в Церкви, потому что выбор христианства произошел позднее, и человеку хочется, чтобы это была веха в жизни. И, подобно тому, как смена имени важна для монаха, таким же важным это оказывается и для человека. Я нередко спрашиваю своих прихожан, каким они хотят пользоваться именем? Мирским, или тем, которое они называют, подходя к Чаше.

– Тем самым вы утверждаете, что никакой мистики, связанной с именем, нет?

– Я надеюсь, что нет. Имяславская проблема и имяславские споры входят в круг моего особого интереса. Однако я не считаю имя чем-то магическим. Обратимся к Библии, как в ней раскрыта проблема имени. Согласно интерпретаторам 3 главы Исхода, когда Господь открывает Моисею Свое имя, это означает, что Он такое Божество, над Которым нельзя иметь власть, просто зная Его имя. Он не джин из бутылки, зная имя которого, можно подчинить его себе. А когда Он говорит о Себе: "Аз есмь Сущий", Он этим утверждает Моисею, что "Я есть тот Бог, Которого контролировать нельзя". Даже зная Его самое "секретное" имя.

– Имплицитно здесь содержится полемика с языческими представлениями, которые окружали Моисея.

– Так очень многие интерпретируют этот текст. Потому что последующее состязание Моисея с магами показывает, что Ягве – это Бог не только для евреев и над Египтом, или Бог только какой-то отдельной местности или города. Но Он есть Владыка всей Вселенной. И что даже, впоследствии влияя на чувства и сердечные помышления фараона, Он властвует не только над естественными явлениями природы, но и над нашими чувствами. Мне кажется, что богословские вопросы об именах и об имяславии – это взаимозависимые вопросы. И точно так же в имяславии был вопрос: "Что в имени?" – как сказал Шекспир. Просто "значок", который с сущностью человека ничего общего не имеет? Либо же имя несет какую-то сущностную энергию человека? Мы пользуемся именем Иисуса, обращаясь к Богу, следовательно, имя восстанавливает определенную связь между человеком и Богом. И обозначившись, или назвав не то имя, можно позвать не того человека. Это означает, что я не считаю, что имя носит целиком случайный характер, но я одновременно считаю, что христианство способно преобразить абсолютно все в языческой культуре. И, следовательно, ничто не имеет какого-то определенного характера, который надо приписывать одним именам, а не другим. Иными словами, я полностью одобряю греческую традицию, в которой даже имя Диана или подобное ему может стать христианским. И может означать нечто уже совершенно иное.

Беседовали священник Андрей Дудченко и священник Ярослав Ящук

[Православие в Украине](#)

<http://kiev-orthodox.org:80/site/meetings/1849/>